

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ XX ВЕКА

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ XX ВЕКА

Ответственный редактор
В. В. Потапов

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 80/81
ББК 81-5
О 82

Книга подготовлена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Издаётся при поддержке издательского проекта РГНФ № 16-04-16107

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Редакционная коллегия:
член-корр. РАН *В. М. Алпатов*,
канд. филол. наук *И. А. Борисова* (отв. секретарь),
д-р филол. наук *В. В. Потапов* (руководитель изд. проекта, отв. ред.),
канд. филол. наук *Н. Н. Трошина*

О 82 Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В. В. Потапов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 808 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-3-6

В справочнике представлены аналитико-информационные статьи о научном наследии выдающихся отечественных языковедов, внесших огромный вклад в историографию лингвистики, разработку проблем структурной организации языка, его исторического развития и функционирования. Представлены различные парадигмы языкознания, с позиций и в рамках которых ведущие специалисты в области различных частных филологий проводили свои исследования по важнейшим проблемам лингвистической науки. Данное издание посвящено памяти исследователя русской лингвистической школы, бессменного руководителя на протяжении многих лет сектора «Языкознание» ИНИОН РАН, профессора, доктора филологических наук Федора Михайловича Березина.

Справочник ориентирован как на лингвистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественного языкознания.

УДК 80/81
ББК 81-5

*В оформлении переплета использована картина А. Шевелёва
«Костромская слобода. Март» (2015)*

ISBN 978-5-9908330-3-6

© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
† Ф. М. Березин. Советское языкознание XX века: задачи, проблемы, решения*	11
В. В. Потапов. Рубен Иванович Аванесов*	45
Д. М. Насилов. Николай Александрович Баскаков	65
В. А. Пищальникова. Федор Михайлович Березин	75
М. Б. Раренко. Виктор Иванович Борковский*	83
Ю. А. Бельчиков. Виктор Владимирович Виноградов*	95
Л. Г. Лузина. Григорий Осипович Винокур*	119
Р. С. Аликаев. Мирра Моисеевна Гухман.	133
Л. Б. Копчук. Анатолий Иванович Домашнев	151
Е. О. Опарина. Николай Николаевич Дурново*	165
С. А. Ромашко. Виктор Максимович Жирмунский*	181
К. Г. Красухин. Владимир Константинович Журавлёв	193
Л. Д. Захарова. Григорий Андреевич Ильинский*	199
А. М. Кузнецов. Соломон Давидович Кацнельсон*	213
О. В. Федорова. Александр Евгеньевич Кибрик	227
В. Г. Гузев. Андрей Николаевич Кононов	245
† Ф. М. Березин. Петр Саввич Кузнецов*	255
† Ф. М. Березин. Борис Александрович Ларин*	267
Д. А. Леонтьев, А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасов. Алексей Алексеевич Леонтьев	283
Н. Н. Трошина. Тимофей Петрович Ломтев*	291
В. И. Постовалова. Алексей Федорович Лосев*	301
К. Г. Красухин. Энвер Ахмедович Макаев	323
Е. С. Маслова. Юрий Сергеевич Маслов	329
К. Г. Красухин. Иван Иванович Мещанинов*	341
И. Г. Добродомов. Сергей Петрович Обнорский*	353
† Л. И. Скворцов. Сергей Иванович Ожегов*	365

<i>Л. П. Крысин.</i> Михаил Викторович Панов	383
<i>В. А. Кочергина.</i> Михаил Николаевич Петерсон*	395
<i>О. К. Клименко.</i> Александр Матвеевич Пешковский*	405
<i>В. М. Алпатов.</i> Евгений Дмитриевич Поливанов*	427
† <i>В. А. Виноградов, С. Е. Никитина.</i> Александр Александрович Реформатский*	439
<i>Г. М. Фадеева.</i> Элиза Генриховна Ризель	453
<i>Л. Д. Захарова.</i> Афанасий Матвеевич Селищев*	473
<i>Н. С. Бабенко.</i> Наталья Николаевна Семенюк	487
<i>К. Г. Красухин.</i> Борис Александрович Серебренников*	497
<i>В. В. Потапов.</i> Владимир Николаевич Сидоров*	509
<i>О. А. Смирницкая.</i> Александр Иванович Смирницкий*	527
† <i>Н. В. Солнцева.</i> Вадим Михайлович Солнцев*	545
<i>А. Н. Барулин, А. В. Дыбо, С. А. Крылов.</i> Сергей Анатольевич Старостин	561
<i>А. С. Либерман.</i> Михаил Иванович Стеблин-Каменский	575
† <i>Б. П. Нарумов, И. И. Челышева.</i> Георгий Владимирович Степанов*	591
<i>К. Г. Красухин.</i> Юрий Сергеевич Степанов	605
<i>Е. О. Опарина.</i> Вероника Николаевна Теля	611
<i>А. В. Дыбо, А. В. Шеймович.</i> Эдхам Рахимович Тенишев	621
<i>А. Д. Дуличенко.</i> Никита Ильич Толстой*	637
<i>А. Григорян, М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян.</i> Владимир Николаевич Топоров	661
<i>И. Г. Добродомов.</i> Олег Николаевич Трубачев*	679
<i>И. Г. Добродомов.</i> Дмитрий Николаевич Ушаков*	697
† <i>Ф. М. Березин.</i> Федот Петрович Филин*	709
<i>В. М. Алпатов.</i> Александр Алексеевич Холодович*	723
<i>К. Г. Красухин.</i> Олег Сергеевич Широков	733
<i>А. Д. Шмелев.</i> Дмитрий Николаевич Шмелев*	739
<i>В. А. Пищальникова, В. В. Потапов.</i> Лев Владимирович Щерба*	753
<i>В. М. Алпатов.</i> Николай Феофанович Яковлев*	773
† <i>А. А. Леонтьев.</i> Лев Петрович Якубинский*	781
<i>А. М. Кузнецов.</i> Виктория Николаевна Ярцева*	793

* Статьи ранее публиковались в: Отечественные лингвисты XX века: Сб. статей // РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. колл.: Березин Ф. М. (отв. ред.) и др. Ч. I: А—Л. М., 2002; Ч. II: М—С; Ч. III: Т—Я. М., 2003. (Сер.: Теория и история языкознания.)

Предисловие

Данный сборник продолжает серию сборников «Отечественные лингвисты XX века», ранее выходивших под редакцией профессора Ф. М. Березина. Если предыдущие сборники были посвящены главным образом ученым первой половины XX века, то здесь представлены ушедшие от нас лингвисты, чья деятельность (или, по крайней мере, ее основная часть) пришлась на вторую половину века, на период между Отечественной войной, через которую пришлось пройти многим из них, и концом советской эпохи. Некоторые из них работали и в 1990—2000-е гг.

Время их деятельности, памятное еще многим, было в истории нашей страны относительно спокойным, непохожим на бурную и часто трагическую первую половину века. Позже большую часть данного периода не вполне справедливо называли «эпохой застоя». Не скажу, что застоя совсем не было, но все-таки для развития нашей науки в это время открывалось много возможностей. Власть уделяла науке немало внимания, сложилась (в отличие от 20—30-х гг. с постоянными реорганизациями) стабильная система академических институтов и вузов, быть ученым считалось престижным. У кого-то бывали неприятности; например, О. С. Широкову пришлось дважды покидать города, где он работал: Черновцы (где, по его рассказам, ему не давал покоя занимавший там тогда пост в обкоме будущий президент «свободной» Украины Л. М. Кравчук) и Минск. М. В. Панову пришлось пережить большую для того времени неприятность — исключение из партии, в которую он вступил на фронте. Однако это не шло в сравнение с тем, что было в предыдущие десятилетия: в отличие от персонажей предыдущих сборников среди ученых, здесь представленных, никто не был в заключении, никто не оказывался на длительный срок без работы. Конечно, как и везде, не всем по тем или иным причинам удавалось реализовать свои таланты, но у многих это получилось. Здесь представлены биографии языковедов, состоявшихся в науке.

В лингвистике было и дополнительное обстоятельство: если в первой половине века, помимо всего прочего, развитию этой науки мешало господство «нового учения о языке» Н. Я. Марра, то после 1950 г. с этим было покончено. Из представленных здесь ученых лишь немногие, как М. М. Гухман, испытали в начале пути его влияние, затем отойдя от него: большинство с самого начала имели возможность работать в иной парадигме. Но это не означало унификации взглядов. После короткого периода «сталинского учения о языке», по сути сводившегося к восстановлению идей и методов русской дореволюционной, в основном исторической науки,

со второй половины 50-х гг. началось активное освоение западных идей и развитие советского структурализма. По сути, эти идеи не были для СССР абсолютно новыми: у нас и раньше, несмотря на возмущающий фактор марризма, развитие науки о языке шло в том же направлении, что особенно ярко было выражено в Московской фонологической школе. Но знать мировые процессы было необходимо.

В 50—80-х гг. при не столь большом, как раньше, влиянии вненаучных обстоятельств в советском языкознании шло интенсивное противоборство школ и направлений. Считалось, что борются, прежде всего, структуралисты, занимавшиеся синхронией, строившие лингвистические модели разного рода и видевшие идеал науки в ее математизации, и так называемые традиционалисты. Последнее направление не составляло единства, к нему обычно причисляли тех, кто занимался историческим и сравнительно-историческим языкознанием, а также дисциплинами, игнорировавшимися структуралистами, вроде социолингвистики. Обе стороны не стеснялись в выражениях, тем более что борьба могла приобретать и политическое звучание, особенно с конца 60-х гг. Вряд ли А. Е. Кибрик или В. Н. Телия могли в те годы совмещаться с Ф. М. Березиным или А. И. Домашневым. Ситуация осложнялась тем, что на Западе к тому времени структурализм уже не был последним словом науки: появился генеративизм Н. Хомского, в связи с чем некоторые «традиционалисты» уже считали структурализм по сравнению с ним меньшим злом. Но генеративизм так и не стал в нашей стране сколько-нибудь влиятельным направлением; характерно, что в этой книге не представлен никто, кто бы работал в этой парадигме.

В то же время к концу века (еще до падения СССР) обозначился переход от структурализма, не выходившего за рамки чистых структур, к функциональной лингвистике, изучающей язык вместе с говорящими на нем людьми. Об этом переходе подробно говорится в очерке о А. Е. Кибрике. Этот процесс вовсе не означал затухания исследований по самым «традиционным» областям языкознания вроде индоевропеистики, исследователи которой в большой мере представлены в сборнике.

С исторической дистанции видишь, что при всех разногласиях все настоящие ученые делали общее дело, по-разному развивая те или иные области науки о языке, и все они остались в истории науки. Лингвисты, здесь представленные, жили наукой, отдавали ей все силы, а обстановка в стране, не всегда во всем комфортная, в целом все же благоприятствовала их деятельности.

Состав имен также показывает широкую тематику исследований советской науки о языке второй половины XX века. Тут есть и чистые теоретики, и люди, отдававшие много сил и времени практическим вопросам. Есть специалисты по современным языкам, но также и историки языка и компаративисты. Одни занимались теорией языка и типологией, но многие были, прежде всего, исследователями конкретных языков и языковых групп. Состав этих языков также обширен: русский и другие славянские, германские, романские, тюркские, кавказские и другие. Представлены и такие области, как психолингвистика и социолингвистика. Большинству из представленных здесь ученых удалось создать научные школы.

Можно, конечно, спорить о том, насколько правомерно включение того или иного специалиста в данный сборник, но думаю, что в целом его состав представителен. При изучении этого состава хочется отметить еще два обстоятельства. Во-первых, в

те годы не было значительного перекоса в ту или иную сторону между чисто научной и научно-педагогической деятельностью. Среди представленных здесь ученых были и сотрудники академических и других исследовательских институтов, и люди, чьим основным местом работы были вузы. А едва ли не большинство из них совмещали (одновременно или в разные годы) оба вида деятельности. Но, во-вторых, мы видим другой перекос (не изжитый и в наше время). Все представленные здесь лингвисты либо всю жизнь проработали в Москве или Ленинграде/Петербурге, либо, начав деятельность где-нибудь еще (выпускников периферийных вузов среди них довольно много), потом переезжали в один из этих столичных городов. Я не говорю, что в других городах не было видных ученых и научных школ, но все же перекос был и есть.

И особая проблема: международная известность тех или иных ученых. Мы видим из статей, что некоторые из представленных здесь лингвистов (М. М. Гухман, А. Е. Кибрик и др.) такую известность получили. Однако многие другие значительные ученые так и не перешагнули своими достижениями через границу. Представляется, что открытие миру этих достижений остается актуальной задачей.

Надеемся, что сборник даст представление о полувековом периоде в истории отечественной науки о языке, познакомит читателя с яркими личностями, еще недавно занимавшими в этой науке видное место.

В. М. Алпатов, член-корреспондент РАН

† *Ф. М. БЕРЕЗИН*

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XX ВЕКА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

В предлагаемой вниманию читателей первой части сборника «Отечественные лингвисты XX века» (сборник будет состоять из трех частей) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. На материале русского, славянских, германских, романских языков ученые выдвинули оригинальные идеи в области фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, морфологии, словообразования, синтаксиса, стилистики и культуры речи, литературного языка и его развития.

В работах этих ученых формировались основные черты советского теоретического языкознания — интерес к проблематике социологии языка, его типологии, внимание к содержательной стороне языка, стремление к изучению динамики языковых процессов, выявлению внутрисистемных языковых связей, изучение истории языка в связи с историей народа, говорящего на данном языке, и т. п. В анализируемых работах эти характерные особенности получили разное преломление в зависимости от конкретной тематики, индивидуальных интересов, что и стремились показать авторы статей о том или ином ученом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественноэкономических отношений, но и в области науки. Наука, в том числе и языкознание, была привлечена к служению народу, новому обществу, практические нужды которого она была призвана обслуживать. Наука о языке приобретает громадное практическое значение. В первую очередь это было обусловлено тем, что огромные массы безграмотных ранее людей получили доступ к русской и мировой культуре. Изменилась функциональная роль русского языка, который стал языком межнационального общения.

Начавшееся массовое распространение грамотности, расширение сферы употребления русского и национальных языков, практические задачи создания новых литературных языков, отражение грандиозных революционных процессов в языке — все это поставило перед языковедами такие задачи и проблемы, с которыми прежнее отечественное языкознание и не сталкивалось.

Известные советские языковеды Лев Рафаилович Зиндер (р. 1910) и Т. В. Строева вспоминают, что атмосферу, царившую в советском языкознании 20—30-х гг., можно определить как период поиска. «Это был поиск новых тем, нового материала, новых путей, а главное — новых методологических основ, которые лингвисты стремились черпать из материалистической марксистской философии» [Зиндер, Строева 1999: 206].

Характерной чертой того времени было желание извлечь непосредственно практическую пользу из всякого исследования. А задач было множество: это и создание письменности для множества бесписьменных и по существу неисследованных языков, это и распространение литературного языка в среде трудящихся, и методика преподавания иностранных европейских языков, широко внедряемых в массы, и другие задачи.

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева отмечают, что созданный в 1930 г. и просуществовавший до 1937 г. Институт речевой культуры (ИРК) в Ленинграде отражал всю множественность теоретических и практических задач, стоящих перед советским языкознанием.

В период, предшествующий революции, русское языкознание в постановке и разработке проблем в работах отечественных лингвистов было далеко впереди зарубежного языкознания. Показательны в этом отношении слова Е. Д. Поливанова (1891—1938): «...в деле разработки общелингвистических проблем русские и польские ученые предшествующего поколения не только были наравне, но и намного опередили современных им, да и современных нам западноевропейцев (позволю себе привести один пример: посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой)» [Поливанов 1931: 3—4].

Вообще для русского дореволюционного языкознания характерной особенностью в освещении общезыковедческой проблематики была философская направленность, заключающая в себе мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассмотрены как различные формы материи.

Сразу после революции, когда перед языковедами встал вопрос о поисках тех путей, по которым должно развиваться новое марксистское языкознание, необходимо было правильно решить вопрос о преемственности старого и нового.

Крупный ученый дореволюционной России, много и плодотворно занимавшийся проблемами армяно-грузинской филологии, Николай Яковлевич Марр (1864—1934) полагал, что старое индоевропейское языкознание, обремененное своим появлением буржуазной идеологии, зашло в тупик, поскольку занималось изучением вымышленного, никогда не существовавшего праязыка. Исходя из идеи «единства глотто-

гонического (языкового) процесса», он считал, что языки, особенно индоевропейские, возникают в результате схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков. Занимаясь кавказским языкознанием, он обратил внимание на влияние кавказского субстрата на индоевропейский армянский язык. Этот субстрат он назвал яфетическим, и элементы этого субстрата Марр стремился найти не только в армянском, но и в языках всего мира.

Субъективно Марр стремился стать марксистом, принять активное участие в становлении революционной общественной науки. Объективные причины (недостаток философской подготовки, отсутствие настоящей лингвистической школы) привели его к упрощенному, вулгарно-социологическому истолкованию сложных явлений и процессов языкового развития. Он выдвинул тезис о том, что язык является идеологической надстроечной категорией, возникшей на базе производства и производственных отношений, игнорируя положение о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения.

Из представления о языке как надстроечной категории Марр сделал и другие, в корне ошибочные выводы. Во-первых, поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, то язык тоже является классовым. Во-вторых, язык развивается стадияльно, в результате смены общественных формаций. Марр полагал, что переход общества из одной формации в другую должен сопровождаться переходом языка из одного состояния в другое, при этом структура языка резко меняется и возникает новая, качественно отличная система языка. В-третьих, пути развития всех языков едины (теория единства глоттогонического процесса). Марр полагал при этом, что поскольку в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности, постольку и в развитии языка выявляются общие закономерности, связанные со сменой формаций общества.

Положения «нового учения» о языке вызвали более чем скептическое отношение со стороны некоторых языковедов того времени, поскольку противоречили фактам языка. Но справедливы слова о том, что «понять Н. Я. Марра периода “нового учения о языке” можно только в контексте революционной эпохи» [Абаев 1960: 99]. Популярности «нового учения о языке» способствовали боевой дух и пафос преобразований советской этики, которые пронизывали всю деятельность Марра. Как писал тот же Василий Иванович Абаев (1899—2001), «проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений... отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи» [Там же: 96].

Не следует думать, что «новое учение о языке» Марра господствовало повсюду. Зиндер и Строева свидетельствуют: «“Новое учение о языке” Марра присутствовало в ИРКе (Институте речевой культуры. — Ф. Б.) с самого начала, но оно не насаждалось в обязательном порядке и не было ведущей линией. Такие его положения, как учение о четырех элементах, совсем не находили отражения в трудах ИРКа. Большая часть работ... вообще основывалась на других методах и идеях. Эта широта и терпимость ко всякой мысли, которая стремилась к созданию материалистического воззрения на язык, может быть и была той притягательной силой, которая привлекала к себе большое количество ученых, очень разных по объему их исследований, по возрасту и по научному темпераменту» [Зиндер, Строева 1999: 210].

Произвольное оперирование языковым материалом в намечаемых Марром стадийных схемах вызывало их неприятие, выражаемое, правда, не в печатной форме из-за боязни репрессий. Так, видный представитель русского сравнительно-исторического языкознания, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ, Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941) писал в одной из своих рукописей, датированной 1938 г.: «При всех своих сравнениях акад. Марр опирается всегда на собственную, им составленную яфетическую фонетику, базирующуюся на многочисленных вариациях указанных четырех звуковых комплексов¹ и их переходов... Не будет ошибки, если скажем, что в общем в сопоставлениях акад. Н. Я. Марра, в связи с многочисленностью допускаемых им звукоизменений, значительно больше свободы по сравнению с приемами арио-европейского языкознания...» [Богородицкий Архив. Л. 3—4].

Анализ того, как Марр сумел превратить свое учение в официальную догму, получившую поддержку сверху и снизу и господствовавшую в советской лингвистике с первой половины 20-х годов до развенчания и гибели 20*июня 1950 г., дан в обстоятельной и фундаментальной книге В. М. Алпатова «История одного мифа» (1991).

Черной страницей в истории советского языкознания было так называемое «дело славистов». Это дело было сфабриковано Секретнополитическим отделом ОГПУ в конце 1933 — начале 1934 г. Его жертвами оказались известные ученые и специалисты, среди которых Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, Н. П. Сычев, П. Д. Барановский, В. Н. Сидоров и др., и наряду с ними скромные музейные работники, краеведы, врачи, агрономы. Дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции в годы «культурной революции» в СССР. Целью этой кампании было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей. Однако в 1937—1938 гг. не менее трети осужденных по делу, еще находившихся в системе ГУЛАГ^а, было уничтожено, а несколько человек еще ранее не выдержали страданий. «В то же время другой части осужденных удалось вернуться к работе, а изменившаяся в военные и послевоенные годы конъюнктура оказалась благоприятной для некоторых из них» [Ашнин, Алпатов 1994: 3]. В книге подробно разбираются судебные дела упомянутых выше лингвистов и прослеживается их судьба в те тяжелые годы.

Хотя абсолютизация «нового учения о языке» сужала творческие возможности советских языковедов в 20—30-е гг., в этот период они, продолжая традиции отечественных дореволюционных лингвистов, занимаются выявлением множественности причин изменения языка, указанием на социальную обусловленность языковых изменений. В этот период интересы советских лингвистов обращаются прежде всего к социолингвистической проблематике, к изучению того, какое отражение нашли в языке социально-политические сдвиги, обусловленные революцией.

В 20—30-е гг. появляется ряд работ, посвященных социолингвистической проблематике. Это книга Р. О. Шор (1894—1939) «Язык и общество» (1926), книга А. М. Селищева (1886—1942) «Язык революционной эпохи» (1927), статья М. Н. Петерсона (1885—1962) «Язык как социальное явление» (1927), работа Е. Д. Поли-

¹ Имеются в виду четыре постулируемых Марром звуковых элемента: sal, ber, jon, goš. — Ф. Б.

ванова (1891—1938) «Революция и литературные языки Союза ССР» (1927), статьи Б. А. Ларина (1893—1964) «О лингвистическом изучении города» (1928) и «К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок)» (1928). Эти работы советских языковедов заложили основы нового оригинального направления советского языкознания, известного под названием «социальная диалектология», которое позднее переросло в социолингвистику. Социальная диалектология требовала изучать языковые явления в тесной связи с территориальными и социально-групповыми изменениями носителей данного языка, а также языковые изменения внутри различных группировок этих носителей.

Проблемы социологии языка получили теоретическое осмысление в работах Е. Д. Поливанова. В круг проблем социологической лингвистики он включал определение языка как социального исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, выработку языковой политики. Подводя итоги развитию советского языкознания за 1917—1927 гг., Поливанов писал: «...наука о языке должна быть наукой социологической... Первая, существеннейшая особенность... это перенос центра тяжести на социологическую сторону в изучении языка... Революция в области лингвистики выразилась у нас прежде всего в появлении новых — именно социологических тем и задач исследования» [Поливанов 1968: 51—53].

Отличительная черта советского языкознания 20-х гг. состояла в том, что лингвисты активно участвовали в практической деятельности — в создании письменности для бывших «инородческих» народностей, не имевших ранее своей графики, составлении описательных грамматик, словарей, учебников и букварей для бесписьменных народов.

В 30-е гг. в нашей многонациональной стране началась подлинная культурная революция, одной из составных частей которой было языковое строительство. Для практического руководства языковым строительством были созданы научные центры — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, Комитет нового алфавита народов Севера и др. Основная деятельность этих комитетов заключалась в определении фонетических и графических основ алфавитов, определении базы создания литературных языков, разработке терминологии. В создании письменности, в формировании новых литературных языков большую роль сыграли такие языковеды, как Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев (1892—1974) и др. Разработке алфавитов и орфографии, научных и практических грамматик, общих и специальных орфографических словарей посвящены такие работы Яковлева, как «Краткая грамматика адыгейского (кяхекого) языка» (1930), «Краткая грамматика кабардино-черкесского языка» (1938), в которых он приводит в стройную систему грамматические особенности этих языков. Основные принципы по унификации алфавитов для горских языков Кавказа изложены в его работе «Математическая формула построения алфавита» (1928).

Деятельность советских языковедов по созданию новых литературных языков привела к углубленному практическому и теоретическому изучению самых разнообразных языков нашей страны, расширила диапазон исследовательской работы, поставила перед советскими языковедами новые специфические задачи.

В 30-е гг. социалингвистические исследования, формально не запрещенные, явно идут на спад, можно отметить лишь ряд конкретных и обращенных в прошлое работ В. М. Жирмунского, К. Н. Державина и других ученых, в 40-е гг. и они почти исчезают. Еще в конце господства «нового учения о языке» отмечалось полное прекращение работ по социальной дифференциации языков советской эпохи, освоению русского языка нерусскими [Алпатов 1991: 200].

Сформировавшаяся с середины 50-х гг. как самостоятельная отрасль языкознания социалингвистика (социология языка) стала охватывать полностью или частично систему «плоскостных» членений языка, обусловленных воздействиями общества, в частности и в особенности воздействиями социального членения человеческих коллективов. Она стала интенсивно заниматься изучением условий функционирования языка в обществе, влияния общества на изменения в языке, которое не осуществляется прямо, непосредственно, автоматически, а проявляется в его внутренней структуре. Советские языковеды, занимавшиеся вопросами социалингвистики (Б. А. Ларин, Е. Д. Поливанов, В. М. Жирмунский, Ф. П. Филин), подчеркивали, что общественная природа языка определяет все его функции, проявляется на всех уровнях языковой структуры.

В 1958 г. В. В. Виноградов (1895—1969) и С. И. Ожегов (1900—1964) выдвинули в качестве первоочередной тему «Русский язык и советское общество», в рамках которой предполагалось исследование развития русского литературного языка в связи с происходящими в обществе социальными изменениями.

За последние 40—50 лет своего развития отечественная социалингвистика прошла большой и сложный путь. Она ставит своей целью исследование природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии; разработку методов социалингвистических исследований и выработку понятийного аппарата социалингвистики; выяснение роли социальных факторов в развитии языка; изучение социальной дифференциации языка и соотношение языка и общества в развитых и развивающихся странах; исследование проблем развития общественных функций языка.

Не следует думать, что в период господства «нового учения о языке» происходило сужение и обеднение тематики лингвистических исследований. Борьба за повышение культуры речи, задачи создания литературных языков, вопросы нормализации языка также способствовали возбуждению интереса к этой проблематике. «Проблема формирования и развития национальных языков привлекла внимание советских лингвистов в 30-е гг. нашего столетия и разрабатывалась как на материале русского языка (работы Л. П. Якубинского, многочисленные труды В. В. Виноградова и его учеников), так и на материале западноевропейских языков (раньше всего в работах В. М. Жирмунского по немецкому языку). Для работ этих лет было характерно усиленное внимание к социально-экономическим факторам в развитии языков, а в области процесса формирования общенационального языка — выделение особой роли письменно-книжной речи» [Ярцева 1968а: 50].

В 30-е гг. у лингвистов еще нет четкого разграничения понятий литературного и национального языков, нет ясности и в разработке этих понятий. Отсутствовало и понятие нормы как специфической проблемы литературного языка. В этот период разработка теоретических проблем литературного языка велась в основном

в вульгарно-социологическом аспекте, утверждалась прямолинейная зависимость становления литературных языков от социально-экономических факторов. Особенно это проявилось в книге А. М. Иванова и Л. П. Якубинского (1892—1945) «Очерки по языку» (1932), где авторы выделяют классовые языки крестьянства и пролетариата, и в книге В. М. Жирмунского (1891—1971) «Национальный язык и социальные диалекты» (1936). «В концепции В. М. Жирмунского (также как и в предшествующей ей и очень сильно повлиявшей на нее концепции проф. Л. П. Якубинского) остро ощущаются вульгарно-социологические оттенки понимания языка как в своем существе и в своей основе общественного явления и всех процессов его исторического развития» [Виноградов 1967: 22—23].

Л. В. Щерба (1880—1944) в статье «Современный русский литературный язык» (1939) пытается теоретически осмыслить понятие «литературный язык», рассматривая литературный язык в его противопоставленности другим формам существования языка. Главным признаком литературного языка Щерба считает монолог, ибо всякий монолог, по его мнению, есть литературное произведение в зачатке. Щерба очень тонко подмечает еще одну, кроме нормы, особенность литературного языка — его наддиалектный характер, общеобязательность для всех членов языкового коллектива. Литературный язык в концепции Щербы является своеобразным барьером против стихии устно-разговорных форм, сохраняющим язык как систему.

Методологически важные положения были разработаны при исследовании истории русского литературного языка в работах В. В. Виноградова (1895—1969), С. П. Обнорского (1888—1962), Л. П. Якубинского (1892—1945), Р. И. Аванесова (1902—1982), Ф. П. Филина (1908—1982), Г. О. Винокура (1896—1947), М. Н. Петерсона (1885—1962), Б. А. Ларина (1893—1964) и других, в которых много внимания было уделено вопросу соотношения церковнославянского и древнерусского элементов в различные периоды письменной традиции в России.

В 40—50-е гг. ведутся исследования теоретических и практических вопросов формирования и развития литературных языков народов Советского Союза. Большое внимание обращается на соотношение литературного, национального, общенародного языков, на формулировку этих понятий, на определение диалектной базы конкретного литературного языка и отношение литературного языка к заимствованиям, особенно диалектным.

При решении вопроса о диалектной базе литературного языка в работах Ф. П. Филина было сформулировано важное положение об исторической изменчивости отношений между самими местными диалектами и между литературным языком и диалектами. Эти отношения меняются потому, что функции литературного языка различны на разных этапах развития общества. Новой в советском языкознании была и проблема вариативности литературного языка, т. е. его отклонений от допустимой нормы.

На материале русского языка в работах В. В. Виноградова были выражены важные критерии определения таких понятий, как «язык литературы», «литературный язык», «язык писателя», и взаимосвязь между ними, подчеркнуто различие между письменно-книжной и устно-разговорной формами литературного языка. Основны-

ми признаками национального литературного языка он считает тенденции к всенародности или общенародности и нормативность.

На материале германских языков проблемы формирования немецкого литературного языка рассматривались в работах В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936), «История немецкого языка» (5-е изд. 1965), в которых он отмечает, что опорой для процесса языковой унификации явилось закрепление формирующейся национальной нормы немецкого языка в письменной форме литературного языка. «...Исследование В. М. Жирмунского “Национальный язык и социальные диалекты” является важным этапом в разработке советской проблематики теории и истории национальных литературных языков. Оно было несправедливо забыто в 40-е и особенно в 50-е годы, когда были выдвинуты новые точки зрения на этот обширный цикл историколингвистических вопросов» [Виноградов 1967: 24].

В области романского языкознания на материале испанского языка Г. В. Степанов (1919—1986) в таких работах, как «Роль Сервантеса в становлении испанского национального литературного языка» (1951), «О национальном языке в странах Латинской Америки» (1960), «Испанский язык Америки в системе единого испанского языка» (1965), разрабатывает понятие языковой нормы, что предполагает выработку единой общенациональной наддиалектной нормы.

Очень подробно, на материале различных языков, теорию и практику изучения национальных и литературных языков подытоживает В. В. Виноградов в монографии «Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития» (1967).

Специфику советских исследований в области появления и развития литературных языков В. Н. Ярцева видит в следующем: «Таким образом, достижением советских лингвистов в изучении истории литературных языков является не только описание тех конкретных исторических условий, в которых совершается формирование и развитие литературной нормы национального языка, но и обнаружение связей и зависимостей между развитием структуры языка и общественными условиями его функционирования» [Ярцева 1968б: 58—59].

После лингвистической дискуссии 1950 г. в советском языкознании «не осталось иного методологического оружия, кроме сравнительно-исторического языкознания, да притом еще в явно младограмматической трактовке, поскольку предписывалось осуществлять преимущественно исторический подход к изучению языков и обнаруживать в них внутренние (или иные) законы их развития. Такой подход и обрел статус материалистического» [Звегинцев 1989: 20].

Но традиции компаративистики в период господства «нового учения о языке» были подорваны, преподавание сравнительного языкознания в высших учебных заведениях прекратилось. «Гонение на компаративистику, в котором научное убеждение зачастую смыкалось с ретивым администрированием, переключало интересы огромного большинства советских языковедов в сторону, далекую от сравнительно-исторических изысканий. В итоге целое поколение, может быть даже два поколения советских лингвистов утратили, за незначительными исключениями, необходимую для этого подготовку» [Стеблин-Каменский 1968: 9].

Но уже с середины 50-х гг. исследования советских языковедов в области сравнительно-исторического языкознания сопровождаются постановкой ряда методологических и методических проблем. Прежде всего стали разрабатываться вопросы, связанные с дополнением сравнительно-исторической методики приемами внутренней реконструкции, данными ареальной лингвистики. Расширение языкового материала индоевропейских языков за счет привлечения фактов других языков привело к более тесному соединению сравнительно-исторической проблематики с идеями и методами типологического языкознания, что особенно проявилось в синтаксической типологии И. М. Мещанинова (1883—1967).

Советские языковеды стремятся заменить плоскостную реконструкцию индоевропейского праязыка выделением его временных пластов — раннего и позднего этапов развития индоевропейского языка; соответственно реконструкция расчленяется на «дальнюю» и «ближнюю». Восстановление индоевропейского праязыка сейчас не является конечной целью компаративистских исследований. В работах советских языковедов-компаративистов неоднократно подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как своеобразная точка отсчета при изучении истории языков. В этом заключается научно-методическое значение реконструкции языка, поскольку реконструированная праязыковая схема позволяет нагляднее представить историю развития конкретной группы родственных языков или отдельного языка.

Сравнительно-историческое изучение различных языковых групп в советском языкознании получило неодинаковое развитие. Высокого уровня достигло сравнительное славянское языкознание.

Продолжая и развивая идеи А. А. Шахматова (1864—1920) о генезисе славянства вообще, советские славяноведы достигли значительных успехов в разработке теории балто-славянской языковой общности, ее содержания в языковом и этногенетическом аспектах, в вопросах формирования восточной, западной и южной ветвей славянства. При реконструкции большее внимание стало уделяться привлечению данных хронологии фонетических, морфологических, синтаксических и лексических процессов. Показательными в этом плане являются монографии Ф. П. Филина (1908—1982) «Образование языка восточных славян» (1962), «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972), обобщившие все достижения советского и зарубежного сравнительно-исторического славяноведения за последние десятилетия и по-новому освещающие происхождение восточнославянских языков. Делая упор на выявление диалектных явлений в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, Филин уточняет вопрос о природе славян, ареале распространения восточнославянских языков, периоде распада общеславянского языка, формах контактирования славянских языков. Выявленные автором различные зоны диалектных явлений, существовавшие до возникновения восточнославянских языков, привели его к важному выводу о том, что начала современных наречий каждого из них старше самих языков.

Этой же тематике посвящены и глубокие исследования Н. И. Толстого (1923—1996), который в статьях «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков» (1959), «К вопросу о древнеславянском языке как общем

литературном языке южных и восточных славян» (1961), а особенно в обобщающей монографии «История и структура славянских литературных языков» (1988) указывает на важность изучения древнеславянского литературного языка, считая его важным звеном в образовании типологически различных языковых ситуаций в разные периоды развития славянских литературных языков. Славянские литературные языки, полагает он, демонстрируют целую гамму разнообразных отношений с другими стратами (идиомами) в пределах одного языка (просторечием, говорами, языком фольклора).

В области германского языкознания уже в ряде исследований во второй половине 30-х годов были проблемы, связанные с типологической характеристикой германских языков, с приемами внутренней реконструкции. В таких работах, как «История немецкого языка» (1938), «Развитие строя немецкого языка» (1935), особенно в монографии «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» (1964), В. М. Жирмунский главной задачей сравнительной грамматики считает не реконструкцию модели праязыка, а раскрытие внутренних закономерностей (тенденций) развития родственных языков.

В монографиях В. Н. Ярцевой (1906—1999) «Историческая морфология английского языка» (1960), «Исторический синтаксис английского языка» (1961) новым для описания истории английского языка является строго синхронический анализ морфологической и синтаксической систем каждого из периодов в истории английского языка. Монография С. Д. Кацнельсона (1907—1985) «Сравнительная акцентология германских языков» (1966) открывает новую главу в сравнительной грамматике германских языков; в ней реконструируется общий ход развития германской просодической системы в ее исторической последовательности.

Многолетние исследования советских германистов нашли свое выражение в четырехтомной «Сравнительной грамматике германских языков» (1962—1966). «С публикацией “Сравнительной грамматики германских языков”, — писал У. Леман, — германское историческое языкознание в целом вступает в новую эру» [Леман 1965: 122].

Менее разработаны принципы сравнительно-исторического метода в области синтаксиса, одной из главных причин этого является трудность реконструкции синтаксических архетипов. С некоторой степенью достоверности можно восстановить определенную синтаксическую модель, но нельзя реконструировать ее материальное словесное наполнение, если под этим наполнением понимать слова, встречающиеся в одной и той же синтаксической конструкции. В исследованиях по сравнительно-историческому синтаксису преимущественное внимание обращается на анализ средств выражения синтаксических связей в родственных языках.

Мало исследований посвящено исторической лексикологии. В этом плане заслуживает внимания небольшая монография Ф. П. Филина «Историческая лексикология русского языка» (1984), вышедшая уже после смерти автора. Эта книга, а также его статья «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)» (1949) стимулировали развитие исследований по истории русской лексики.

Многообещающим в работах советских компаративистов следует признать широкое использование типологических критериев в сравнительном языкознании,

поскольку такое использование делает более надежными выводы сравнительно-исторических исследований. Большая заслуга в создании типологического изучения языков принадлежит И. И. Мещанинову.

Вместо марровской теории единства глоттогонического процесса И. И. Мещанинов выдвигает синтаксическую стадияльную теорию, нашедшую отражение в его работах «Новое учение о языке. Стадияльная типология» (1936), «Общее языкознание. К проблеме стадияльности в развитии слова и предложения» (1940) и в более поздних работах «Члены предложения и части речи» (1945) и «Глагол» (1949). На материале различных языков народов Советского Союза И. И. Мещанинов анализировал выражение субъектно-объектных отношений в языке и на основе способов их выражения выделял три стадии — пассивную (эта стадия характерна для чукотского, алеутского, нивхского и других палеоазиатских языков, где нет различия субъекта и объекта), эргативную (характерную для кавказских языков, в которых субъект действия стоит в особом эргативном падеже, а объект — в именительном) и активную, где ведущим синтаксическим признаком является наличие субъекта в именительном падеже. В дальнейшем И. И. Мещанинов ставил под сомнение стадияльный характер развития синтаксических типов, но идея проведения синтаксических исследований, построенных на изучении сходств и различий в выражении синтаксических отношений в родственных и разнотипных языках, была новой для советского языкознания 30-х гг. и знаменовала становление типологического изучения языков, а сам И. И. Мещанинов может быть назван основоположником типологического изучения языков в советском языкознании.

На материале германских языков, используя данные разнообразных языков неиндоевропейского типа, С. Д. Кацнельсон в монографии «К генезису номинативного предложения» (1936) стремился показать, что ряд явлений германских языков является реликтом эргативного строя.

Правда, следует отметить, что в первой половине 50-х гг. типологическая проблематика не пользуется вниманием советских лингвистов, однако позднее возрождение интереса к типологии было связано с бурным развитием сравнительно-исторических исследований.

Критическое отношение молодых советских лингвистов к сравнительно-историческому языкознанию зачастую приводило в первые годы после революции к отрицанию всего, что было накоплено мировой лингвистикой. В условиях революционного преобразования мира нужно было определить проблематику советского языкознания в духе новой эпохи.

К числу ведущих лингвистов, занимавшихся разработкой общелингвистических проблем, принадлежал Л. В. Щерба. По свидетельству В. В. Виноградова, Щерба «с середины 30-х годов все... более и более склоняется к материалистической философии языка, к диалектическому материализму» [Виноградов 1975: 489].

Щерба был убежден в большой практической ценности языкознания для общества, подчеркивая, что язык есть деятельность человека, направленная к определенной цели.

С позиций общего языкознания Щерба рассматривал все вопросы: о системе языка, проблемах фонетики и фонологии, о роли сравнительно-исторического язы-

кознания, о задачах синтаксиса. Общелингвистические взгляды Щербы полнее всего изложены в статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), где он излагает свои взгляды на систему языка. Различая речевую деятельность (т. е. процессы говорения и понимания), языковой материал (т. е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху данной общественной группы) и систему языка, Щерба основную задачу лингвистики видел в изучении системы языка. В языковой системе он видит некую социальную данность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы в условиях ее жизни. В языковую систему входят слова, образующие в каждом языке свою очень сложную систему, а также схемы или правила построения различных языковых единств. Языковую систему, т. е. словарь и грамматику данного языка, по мнению Щербы, следует выводить из соответствующих текстов, т. е. из соответствующего языкового материала.

Щерба намечает путь анализа функционирующих языков, заключающийся в выяснении того, соответствуют ли полученные гипотетическим путем выводы действительным языковым фактам. Такую проверку Щерба и называет экспериментом в языкознании, позволяющим проникнуть в специфику языка.

Общетеоретические проблемы, в частности проблемы языкового развития, были поставлены в работе Е. Д. Поливанова (1891—1938) «Где лежат проблемы языковой эволюции» (1931). Причины языковых изменений Поливанов усматривал не только во внутренних закономерностях функционирования речевого механизма, в развитии и изменении фонетического и морфологического строя языка, но и в определенном влиянии на язык социально-экономических факторов. Изучению условий языкового изменения Поливанов придавал настолько большое значение, что предлагал выделить особую отрасль языкознания — лингвистическую историологию, или учение об эволюции языка, которая должна была заниматься всем комплексом входящих сюда проблем.

В послевоенный период большую роль в истории советского языкознания сыграла книга И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» (1945). В этой работе Мещанинов начал разрабатывать учение о так называемых понятийных категориях. Речь идет о том, что в различных языках земного шара существуют общие представления, например, представления о субъекте, предикате, атрибуте, о предметности процесса и т. д., которые грамматически выражаются по-разному. Так, общее для всех языков понятие субъекта выражается грамматическим понятием подлежащего, которое может передаваться либо существительным, либо глагольной формой, либо другой частью речи. Понятийных категорий в языке немного, а разнообразие способов их передачи грамматическими средствами очень велико. Например, понятия субъекта и предиката лежат в основе громадного большинства языков мира, и способы их выражения различны. Мещанинов пришел к выводу об универсальном характере понятийных категорий, их всеобщности для подавляющего большинства языков. Идея Мещанинова о сочетании типологических исследований с выяснением языковых универсалий, к сожалению, не привлекла внимания современных лингвистов. А ведь Мещанинов в 1947 г. высказал глубокую мысль, что «прослеживаемые в языке... понятийные категории и являются в первую очередь тем связующим звеном, которое

Научное издание

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ XX ВЕКА

Корректоры О. Ланцова, Е. Сметанникова, О. Круподер
Ведущий редактор Е. Андреева
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены Е. Андреевой

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 65,1. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: **(495) 624-35-92**. E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 **(499) 255-77-57**, e-mail: **gnosis@pochta.ru**
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4